

Наследный принц Чэнь Гухуэй, вернувшись во дворец, немедленно погрузился в воспоминания. Перед глазами вновь возник тот день на тренировочном поле. Тогда, при свете дня, Сыма Цзюньюань одержал блестящую победу, а вечером все разделились на два лагеря. Первый — это пир, устроенный Отцом-императором для придворных вельмож и послов иностранных государств. Второй — Пир Гибискусов, проводившийся в Императорском саду под присмотром Вдовой императрицы, куда пригласили знатных отпрысков, дам из благородных семейств и молодых аристократов. В прошлой жизни Чэнь Гухуэй, как наследник престола, разумеется, был занят делами во внешнем дворе вместе с Императором. Сыма Цзюньюань же пришел в одиночестве, так как его отец всё еще охранял рубежи страны. К тому же, Пир Гибискусов, по сути, был задуман как место, где молодые люди из знатных домов могли присмотреться друг к другу. Сыма Цзюньюань, чьи годы и статус холостяка в сочетании с выдающимся выступлением на поле боя привлекли внимание, был приглашен Вдовой императрицей. Именно там, на этом пиру, он познакомился со своей будущей женой — Ли Цяньцянью, незаконнорожденной дочерью заместителя министра ритуалов.

При мысли о Ли Цяньцянью Чэнь Гухуэй охватила ярость. В той, прошлой жизни, когда Сыма Цзюньюаня оклеветали в предательстве и он погиб на поле брани, эта женщина без колебаний избавилась от ребенка, который был уже на сносях, и подделала документ о разводе, утверждая, что Сыма Цзюньюань сам просил об этом перед походом. Подобный поступок Ли Цяньцянью означал лишь одно — она хотела поскорее откреститься от связи с ним. Нет, в этой жизни он ни за что не позволит им встретиться, а если встреча и произойдет, он не даст ей больше охмурять его брата Цзюньюаня. Да, в глубине души он уже твердо решил, что Сыма Цзюньюань принадлежит только ему.

Си Юань, заметив, что господин ходит взад-вперед, как подобает верному слуге, поспешил подойти:

— Ваше Высочество, что вас тревожит? Могу ли я чем-то помочь?

Чэнь Гухуэй немедленно отдал приказ:

— Сходи в конюшню Сыма и приведи оттуда ахалтекинца. Нет, приводи Цяньлицзюя, которого недавно преподнесло в дар государство Лян.

Си Юань поклонился и поспешил исполнить поручение.

Чэнь Гухуэй взглянул на коня. Шерсть животного отливала пламенем и ярко сияла на солнце, грива была легкой, словно плывущие облака, а в глазах читались необычайная пронизательность и величие. Его крепкое тело с плавными, но мощными линиями мышц казалось воплощением силы; каждый шаг был словно порыв ветра. Копыта твердо выбивали на земле четкую дробь.

— Как тебе этот конь? — спросил Чэнь Гухуэй у Си Юаня.

Тот поспешил с лестью:

— Раз конь приглянулся Вашему Высочеству, значит, он вне всяких сомнений лучший!

Чэнь Гухуэй брезгливо покосился на него, а затем щелкнул пальцами. В тот же миг из тени

появился Тайный страж Ци Цзю. С самого детства учителя обучали Чэнь Гухуэя боевым искусствам лишь ради укрепления здоровья, однако Император Чэнь Сюаньгуан категорически запрещал ему любые занятия вроде верховой езды. Виною тому был случай со старшим императорским братом, который погиб, упав с испугавшейся лошади — причину переполоха так и не удалось выяснить. Чэнь Гухуэй, единственный наследник покойной императрицы, был для Императора зеницей ока, поэтому он не допускал и мысли о малейшей угрозе для жизни сына. По этой причине принц совершенно не умел ездить верхом. В прошлой жизни его научил этому Сыма Цзюньюань, но сейчас, не желая показывать свои навыки, он вызвал Ци Цзю, чтобы тот проехал круг. Страж поклонился, вскочил на коня и проскакал по двору.

— Ну что, как тебе эта лошадь? — спросил Чэнь Гухуэй.

— Отвечаю Вашему Высочеству, это редчайший скакун, способный преодолеть тысячу ли за день, — доложил Ци Цзю.

Чэнь Гухуэй успокоился.

— Отведи его в конюшню Сыма, — сказал он Си Юаню. — И передай: если в день состязаний Сыма Цзюньюаню понадобится конь, пусть берет этого. Скажешь, что это мой подарок.

В день соревнований Сыма Цзюньюань, как и в прошлой жизни, облачился в красный наряд для верховой езды и по воле Императора продемонстрировал мастерство владения копьем, поразив все мишени. Узнав после состязаний, что этот скакун — дар от наследного принца, он был крайне удивлен. Выросший на границе, он отлично разбирался в лошадях. Этот конь стоил целое состояние, такую редкость днем с огнем не сыщешь. С чего вдруг такой щедрый подарок? Сердце его сжалось от опасений: не замышляет ли императорский двор что-то против его отца, стараясь привязать его к себе, чтобы однажды заставить пойти против родителя? Но времени на раздумья не было — нужно было следовать приглашению на Пир Гибискусов в Императорский сад.

Войдя на пир, Сыма Цзюньюань оказался среди детей столичной знати из древних родов и почувствовал себя чужаком. С ним был лишь один слуга — сын заместителя его отца. Поскольку Сыма Цзюньюань отправился в Столицу в качестве компаньона принца, его отец очень волновался, поэтому и позволил сыну своего подчиненного сопровождать его, чтобы они могли присматривать друг за другом.

Однако перед входом в сад слугу остановили, заявив, что это императорские покои, а все слуги должны дожидаться снаружи. Так он остался один. Его положение было крайне неловким: все столичные вельможи знали, что Император пригласил его компаньоном лишь для вида, а на самом деле он — заложник. Поэтому никто не хотел заговаривать с ним, опасаясь подозрений в тайном сговоре.

В этот момент у кромки пруда с лотосами какая-то девушка упала в воду и закричала о помощи. Сыма Цзюньюань бросился к ней, хотел было прыгнуть в воду, но его руку внезапно перехватили. Обернувшись, он увидел наследного принца Чэнь Гухуэя. Тот смотрел на него огромными круглыми глазами, будто и не слыша криков о помощи, и тихо произнес:

— Братец Цзюньюань, почему ты не пришел ко мне выпить вина после состязаний?

Принц подошел так близко, что его горячее дыхание коснулось уха Сыма Цзюньюаня, отчего то моментально вспыхнуло. Сыма Цзюньюань попытался отстраниться, чтобы все же спасти девушку, но Чэнь Гухуэй снова ухватился за его рукав:

— Не нужно, братец, я уже приказал своему Тайному стражу вытащить её.

В воздухе мелькнула черная тень, прыгнула в пруд и вытянула кричавшую девушку на берег. Ей оказалась Ли Цяньцянь.

Увидев взгляд Сыма Цзюньюаня, в котором сквозило сочувствие к Ли Цяньцянь, Чэнь Гухуэй ощутил, как внутри всё закипело от ревности. Он с силой прикусил губу, гневно думая: «Братец Цзюньюань, как ты можешь смотреть на нее с такой жалостью? Она же просто коварная интриганка. Мало ли она горя причинила тебе в прошлой жизни? В этой я ни за что не позволю ей приближаться к тебе».

Чэнь Гухуэй злился всё больше, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони. В ярких глазах теперь читались лишь ревность и гнев, от бывшего спокойствия не осталось и следа. Но вскоре он осознал, что не может так открыто выражать чувства, глубоко вздохнул и постарался привести лицо в порядок.

Ли Цяньцянь была в жалкой позе, дрожала от холода, а одежда на ней насквозь промокла. Придворная дама, находившаяся рядом, поспешила накинуть на неё свою верхнюю одежду. Когда все оглянулись, черной тени уже не было — все решили, что это обычный Тайный страж. Кто-то зашептался: «Откуда здесь взяться Тайному стражу?» Ведь приводить с собой стражу во дворец могли лишь Император или Наследный принц. Только тогда люди заметили их обоих, стоящих на мостике.

Наследный принц Чэнь Гухуэй был облачен в роскошные одежды, голову венчала сверкающая золотая корона; его лицо, подобное прекрасному нефриту, тонкие брови, прямой нос и слегка сжатые губы излучали природное величие, словно он был небожителем, сошедшим на землю. А Сыма Цзюньюань в ярко-красном костюме стоял прямо, словно сосна, с бровями как далекие горы и глазами, яркими, как звезды, источая мужество. Два красавца, стоявшие рядом, смотрелись как ожившая картина, вызывая восхищение и трепет.

Народ на мгновение замер, пораженный этим зрелищем. Кто-то первым пришел в себя и упал на колени, приветствуя принца. Сыма Цзюньюань, стоявший рядом, на секунду оторопел и не успел опуститься на колени, но как только он начал сгибать ноги, принц поддержал его рукой и обратился к остальным:

— Встаньте.

Когда все поднялись, Сыма Цзюньюань так и не закончил поклон.

— Я прослышал, что матушка устроила Пир Гибискусов, да к тому же с гибискусовым вином, — сказал принц окружающим. — Вот и не удержался, захотел попробовать. Вы на меня не обращайте внимания, я здесь лишь проездом.

С этими словами он направился к Вдовой императрице. Та, увидев своего любимого внука,

расплылась в доброй улыбке, протянула руки и, потянув его к себе, ласково упрекнула:

— Ах ты! Вместо того чтобы помогать отцу в передних покоях, прибежал сюда баловаться.

Чэнь Гухуэй, держа её за руку, начал ластиться:

— Да разве ж еда у Отца-императора сравнится с той, что у бабушки? Да и просто захотелось побыть рядом с вами.

Вдовая императрица рассмеялась, развеселенная выходкой внука. Она обернулась к гостям:

— Продолжайте любоваться цветами, а я отведу принца в дом.

Как только они ушли, шумное веселье возобновилось.

Ли Цяньцян, будучи незаконнорожденной, не имела шанса попасть на такой пир, но заместитель министра ритуалов, балующий свою наложницу-мать, позволил ей сопровождать законную сестру, Ли Жун. Случаев выхода в свет у Ли Цяньцян было мало, ведь обычно приглашали только законных дочерей. Вот она и решила рискнуть: бросилась в пруд, надеясь, что кто-то из знатных господ спасет её, а после — женится, и её судьба изменится. Ей надоело, что её вечно презирают за статус незаконнорожденной, хотя она была куда талантливее сестры во всём. Но кто бы мог подумать, что здесь окажется Наследный принц и его личный страж! Она с досадой подумала: «Если бы спас именно принц, как было бы здорово! Он — идеал любого мужчины для столичных девушек. Даже если не стать его женой, даже если быть наложницей, когда он взойдет на престол, я стану императорской супругой. А если рожу сына, то смогу побороться и за трон». От этих мыслей ей стало еще обиднее.

Пока она всхлипывала, подошла законная сестра Ли Жун:

— Перестань плакать, только позоришься.

Ли Жун не знала, что эти слезы лишь на три части искренние, а на семь — притворные. Ли Цяньцян заметила, что на них смотрит Третий принц, а мужчины, как известно, любят женственную слабость. И правда, увидев её жалкий вид, Третий принц подошел:

— Вам нужна помощь?

Ли Цяньцян немедленно приняла хрупкий вид:

— Благодарю, Ваше Высочество. Просто боюсь, что после такого позора отец будет разгневан и накажет меня.

Эти слова заставили окружающих призадуматься, ведь, зная о её статусе, многие решили, что дома её притесняют. Ли Жун, не отличавшаяся умом, не поняла хитрости сестры и поддакнула:

— Конечно, сегодняшнее поведение недопустимо, лучше поскорее вернуться домой.

Это окончательно убедило всех, что Ли Цяньцян живется в доме министерства ритуалов несладко.

Сыма Цзюньюань, наблюдая за этим издали, невольно проникся жалостью. Наследный

принц, только что выпросивший у бабушки угощение, заметил этот взгляд и снова закипел от ревности. «В прошлой жизни Цзюньюань уже попался на эту лису, — подумал он. — Если я не вмешаюсь, он снова ей поверит». Принц твердо решил: «Разве это сложно — притвориться наивным? Буду и я слабым, и невинным, буду и я изображать, как меня обижают, чтобы меня защищали».

Третий принц уже хотел приказать кому-то помочь девушке переодеться, как подошел Си Юань и от имени наследного принца повел Ли Цяньцян переодеваться. Толпа ахнула: принц, всегда бывший холодным и отстраненным, никогда не общался с девушками, а тут — решил помочь. Неужели она ему приглянулась? Никто не знал, что принцу просто неприятно было видеть её перед глазами, и он хотел поскорее убрать её подальше.

Третий принц с улыбкой подошел к брату:

— У вас сегодня прекрасное настроение, Ваше Высочество. Не только вино пробуете, но и помогаете юным леди.

Он понизил голос и добавил с усмешкой:

— Тот, кто не знает, может подумать, что вы положили глаз на эту девицу.

Чэнь Гухуэй издал короткий пренебрежительный звук, его брови сошлись на переносице, лицо исказилось. Третий принц рассмеялся и ушел.

Сыма Цзюньюань, увидев это издалека, не расслышал слов, но заметил выражение лица принца — обиженное, с покрасневшими глазами. Чэнь Гухуэй пошатывающейся походкой направился к нему. Подойдя совсем близко, он поднял взгляд, полный блестящих слез, и проговорил дрожащим голосом:

— Братец Цзюньюань, третий брат только что сказал мне, что я слаб и бесполезен. Мне так больно. Я с самого детства старался делать всё лучше всех, но всё равно не получаю признания, и они вечно меня задирают.

Чэнь Гухуэй шмыгнул носом и, словно лишившись сил, слегка прислонился к плечу Сыма Цзюньюаня.

— Братец Цзюньюань, когда ты станешь моим компаньоном, ты ведь будешь помогать мне? Ты ведь будешь всегда рядом, правда?

Сыма Цзюньюань, видя его хрупкость и беспомощность, смягчился:

— Ваше Высочество, не берите в голову слова Третьего принца. Наверное, он просто не подумал, что говорит.

Чэнь Гухуэй слегка покачал головой, нахмурившись от обиды:

— Но мне и правда горько... Я ведь считал их близкими...

Слезы задрожали в его глазах, готовые вот-вот пролиться. Сыма Цзюньюань смотрел на него с

возрастающей нежностью:

— Ваше Высочество, ваш талант и усердие видны всем.

Чэнь Гухуэй утер уголок глаза рукавом и всхлипнул:

— Раз ты так искусен в боевых искусствах, значит, и ты, как они, презираешь меня за мою слабость и неумение сражаться?

С этими словами он развернулся и пошел прочь, походка его была нетвердой, казалось, он вот-вот упадет. Сыма Цзюньюань поспешно ухватил его за рукав:

— Ваше Высочество, у меня и в мыслях такого не было! Я готов служить вам верой и правдой, не жалея жизни!

Чэнь Гухуэй остановился, обернулся и посмотрел на него со слезами на глазах. Сыма Цзюньюань был потрясен. Он понял, что Наследный принц вовсе не живет в роскоши и почете, как казалось ранее — похоже, в императорской семье идут жесткие распри, и жизнь принца висит на волоске. Еще больше его поразило то, что принц доверил ему правду о давлении со стороны Третьего принца. Почему он так откровенен с тем, с кем едва знаком?

Чэнь Гухуэй, заметив его колебания, продолжил:

— Я с детства слаб здоровьем, не могу учиться боевым искусствам. Они всё время меня обижают — и братья, и сам Император. Никто меня ни во что не ставит. Хотя я неплох в словесности, но в состязаниях вроде тех, что на поле, участвовать не могу. Меня вечно высмеивают, говорят, что я не годен для великих дел.

Бледное лицо, невинный взгляд и слезы в глазах принца заставили Сыма Цзюньюаня почувствовать жалость. Он сложил руки в приветственном жесте:

— Я готов стать вашей опорой, Ваше Высочество. Вы — дракон среди людей, с детства одаренны мудростью, знаете всё — от астрономии до географии. Это залог процветания государства Чэнь.

Чэнь Гухуэй, видя, что приманка сработала, втайне ликовал. Он окончательно решил: впредь он будет только так завоевывать его сердце — демонстрируя слабость и беззащитность.

На Пире Гибискусов каждый преследовал свои цели, но Чэнь Гухуэй был счастливее всех: он нашел идеальный способ сблизиться с братцем Цзюньюанем.

<http://bllate.org/book/21887/2273096>